

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
SCIENTIFIC LEGACY

УДК 811.22; 003.333

DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-194-202

**МЕСТО ЯЗЫКА ХАЗАРА СРЕДИ ЮГО-ЗАПАДНЫХ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ И
ДИАЛЕКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯКАУЛАНГСКОГО ДИАЛЕКТА) ⁹¹**

Валентин А. Ефимов
Институт языкознания РАН
Москва, Российская Федерация

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Валентин А. Ефимов, 2025

**THE PLACE OF THE KHAZARA LANGUAGE AMONG SOUTHWESTERN IRANIAN
LANGUAGES AND DIALECTS (BASED ON THE YAKAULANG DIALECT) ⁹²**

Valentin A. Efimov
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0). © Valentin A. Efimov, 2025

⁹¹ Статья «Место языка хазара среди юго-западных иранских языков и диалектов (на материале якаулангского диалекта)» В.А. Ефимова представляет собой извлечение из его диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Язык афганских хазара (якаулангский диалект)», выполненной в 1965 году под руководством доктора филологических наук В.С. Расторгуевой.

Публикуется с разрешения правообладателя. Содержание сохранено в оригинальном виде, за исключением незначительных редакторских правок для ясности и единообразия оформления. Учитывая сложности с доступом к оригиналу, мы рады предоставить возможность доступа к этой важной работе.

⁹² The article “The place of the Hazara language among southwestern Iranian languages and dialects (based on the Yakaulang dialect)” by V.A. Efimov is an excerpt reproduced from the dissertation submitted for the degree of Candidate of Philology (PhD) under the title “The Language of Afghan Hazaras (Yakaulang dialect)”, completed in 1965 under the supervision of Doctor of Philological Sciences V.S. Rastorgueva.

It is published here with permission of copyright holder. The content has been preserved in its original form, with minor editorial updates for clarity and formatting where necessary. Given the limited access to the original text, we are pleased to make this important contribution more widely accessible.

По своим основным структурным чертам язык хазарийцев близок к таджикскому языку и к фарси-кабули и закономерно вливается составной частью в общий массив диалектов и говоров ираноязычного (таджикоязычного) населения на территории юго-западной Азии и Афганистана.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о месте языка хазара среди родственных диалектов и говоров, необходимо обрисовать, хотя бы в общих чертах, состояние иранской диалектологии вообще и, в частности, вопрос об изученности указанного диалектно-разговорного массива.

Существование большого массива близких в структурном отношении диалектов и говоров на обширной территории (от Бухары до Кабула) ни у кого не вызывает сомнения и находит подтверждение в научной литературе. На общность целого ряда существенных черт (фонетического, грамматического и лексического плана) этих диалектов и говоров, позволяющую противопоставить эти диалекты говорам Западного и Центрального Ирана, указывают многие языковеды-иранисты⁹³.

Трудности возникают при попытках выделить из общей массы диалектов и говоров самостоятельные языки и провести их тотальную классификацию. В значительной мере это вызвано тем, что еще до сих пор наукой не установлены достаточно определенные границы между понятиями «язык» и «диалект»⁹⁴. Кроме того, классификация затрудняется неодинаковой степенью изученности отдельных говоров или их групп, входящих в этот массив.

Так, диалекты и говоры, распространенные на территории советской Средней Азии (Таджикская, Узбекская, а также, отчасти, Казахская, Киргизская и Туркменская республики) к настоящему времени в значительной своей массе изучены и описаны в научной литературе⁹⁵. В основном усилиями советских языковедов-иранистов проведена громадная по своим масштабам диалектографическая работа, начатая русскими учеными еще в середине XIX века.

⁹³ См. например, *Е.Э. Бертельс*. Персидский-дари-таджикский. – «Советская этнография», 1950, №4, с. 63; *L. Bogdanov*. Stray notes on Kabuli Persian. «Journal and proceedings of the Asiatic society of Songal», vol. XXVI, 1930, №1, p. 49; *Л.Н. Дорофеева*. О языке фарси Афганистана, М., 1960; *Ю.И. Богорад*. Рогские говоры таджикского языка (диссертация, 1953). Все указанные авторы исходят из предпосылки о единстве говоров Хорасана (понимаемого в историческом плане), Средней Азии и Афганистана. Этот массив говоров характеризуется целым рядом общих признаков, благодаря которым они противопоставляются говорам Ирана.

⁹⁴ Особенно наглядно это проявляется в отношении языков и диалектов, которые не являются государственными языками и не имеют своей письменности. Оба эти положения, кстати говоря, можно полностью отнести и к языку хазарийцев.

⁹⁵ См. *В.С. Расторгуева*. Изучение таджикского языка в СССР. «Очерки по истории изучения иранских языков». М., 1962.

Результаты этих многолетних диалектологических исследований подытожены В.С. Расторгуевой в докладе на тему «Опыт классификации таджикских говоров» (М., 1960), прочитанном на XXV Международном Конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г., а также в ее капитальном труде («Опыт сравнительного изучения таджикских говоров», М., 1964).

Опираясь на собственные наблюдения и на работу других советских диалектологов, В.С. Расторгуева ставит своей задачей:

1) проследить, какое отражение получили в таджикских говорах языковые явления, унаследованные ими от исходной, общей для них системы, и на базе их сравнения выяснить некоторые тенденции и закономерности их развития;

2) установить изоглоссы отдельных диалектных явлений и на этой основе пересмотреть бытовавшую ранее классификацию таджикских говоров⁹⁶.

Избрав в качестве классификационного критерия совокупность отдельных языковых признаков, исследователь выделяет и дает сводку основных компактных групп и массивов говоров, или «диалектных единиц» (по терминологии автора); число последних достигает тринадцати: бадахшанские, дарвазские, северо-кулябские, рогские, южно-кулябские и др. Как указывает В.С. Расторгуева, границы между отдельными диалектными единицами не являются абсолютными. Обособленно стоят, например, варзобские и каратагский говоры, представляющие собою переходные типы между южными и северными говорами⁹⁷, и некоторые другие.

Накопленный опыт и новые данные, появившиеся в научном обиходе, позволили автору уточнить классификацию таджикских говоров, предложенную П.Е. Кузнецовым (1915 г.) и М.С. Андреевым (1930 г.). В качестве основного классификационного признака исследователем впервые предложено принять тип отражения группы исторических гласных заднего ряда (*u*, *ū*, *ō*). В соответствии с этим из всей массы таджикских говоров, распространенных на территории советской Средней Азии, выделены четыре группы: 1) северная группа – *u*, (*ū*), *ū'* или *u*, *ū'* (<*u*, *ū'*, *ō*); 2) центральная группа *ū*, *ū* (< *u*, *ū*, *ō*); 3) южная группа *ū*, *u* (<*u*, *ū*, *ō*); 4) юго-восточная группа *ū*, *u*, *ū'* (<*u*, *ū*, *ō*)⁹⁸.

⁹⁶ В.С. Расторгуева. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров, с. 14.

⁹⁷ В.С. Расторгуева. Опыт классификации таджикских говоров, с. 13–15.

⁹⁸ Там же, с. 16–17.

Работа такого обобщающего характера и выводы, сделанные на ее основе, стали возможными, разумеется, лишь в результате проведения фронтальных диалектологических обследований обширных районов с ираноязычным населением.

Иначе обстоит дело с диалектами и говорами, распространенными за пределами Советского Союза – прежде всего в Афганистане, а также в Иране. Наше внимание (по понятным причинам) привлекают в первую очередь говоры Афганистана.

В противоположность таджикским говорам советской Средней Азии, диалекты и говоры Афганистана до сих пор изучены очень слабо. К настоящему времени мы располагаем сведениями лишь о фарси-кабули и бадахшанских и панджшерских говорах⁹⁹. Причем и они исследованы далеко не в одинаковой степени.

Наиболее подробно описан так называемый «фарси-кабули» – литературно-письменный язык, вобравший в себя ряд специфических местных говоров, главным образом кабульского диалекта, и в то же время сохранивший некоторые архаические черты исходного языка¹⁰⁰. Бадахшанская группа говоров известна в основном по работе Лоримера¹⁰¹, в которой описываются особенности бадахшанского и мадаглаштского диалектов. Поскольку указанные диалекты автор рассматривает с точки зрения «правильного» персидского языка, он не смог

⁹⁹ Непосредственное отношение к изучению говоров афганских таджиков имеют и те работы советских лингвистов, которые посвящены описанию некоторых таджикских диалектно-говорных групп территории советской Средней Азии, продолженные в Афганистане. К их числу относятся: *Ю.И. Богорад*. Горонский говор таджикского языка. – «Иранский сборник». М., 1963; *Ю.И. Богорад*. Рогские говоры таджикского языка. – «Труды Института языкознания АН СССР», VI, 1956; *А.Н. Болдырев*. «Бадахшанский фольклор». – «Советское языкознание», V, 1948; *А.З. Розенфельд*, Дарвазские говоры таджикского языка. – «Труды ИЯ АН СССР», VI, 1956; *А.З. Розенфельд*, Ванджские говоры таджикского языка. Л., 1964; и некоторые другие. Следует отметить также работу *М.С. Андреева* «По этнологии Афганистана (Долина р. Панджшир)». Ташкент, 1927 г., а также небольшую заметку *И.И. Зарубина* «О языке гератских евреев» (ДРАН, серия «В», с. 181–183).

¹⁰⁰ Мы разделяем точку зрения ряда советских и зарубежных лингвистов, признающих в настоящее время наличие трех самостоятельных форм единого в прошлом классического языка фарси (//таджикского // персидского), т.е. современных персидского, таджикского и фарси-кабули. См. об этом; *G. Lazar*. Caractères distinctifs de la langue tadjik. – «Bulletin de la société de Linguistique de Paris», t. 51, f/ 1, 1956, с. 117–118; *Л.Н. Дорофеева*. О языке фарси-кабули Афганистана. – «Краткие сообщения Института востоковедения», XXXIII, 1959. Описание фарси-кабули см. в следующих работах: *G. Morgenstierne*. Report on a linguistic mission to Afghanistan. Oslo, 1926; *L. Bogdanov*. Stray notes on Kabuli Persian. – «Journal and proceedings of the Asiatic society of Bengal», vol. XXVI, 1930; *L. Bonelli*. Ancora del Volgare persiano di Kabul. «Annali del Royale Istituto orientale di Napoli», vol. II–III, 1930. *A. Farhâdi*. Le persan parlé Afghanistan. Grammaire du Kâboli, Paris, 1955; *Л.Н. Дорофеева*, цит. сочинение, а также «Язык фарси-кабули», М., 1960; *Т.Н. Пахалина*. К вопросу о вокализме фарси-кабули (Из наблюдений над экспериментальными данными). – «XXVI Международный конгресс востоковедов». Доклады делегации СССР. М., 1963.

¹⁰¹ *D.L.R. Lorimer*. The phonology of the Bakhtiari, Badakhshani and Madaglashti dialects of modern Persian. London, 1922. Некоторые сведения по языку жителей зарубежного Бадахшана содержатся также в работе Грирсона (*G.A. Grierson*. Linguistic survey of India, vol. X, Specimens of languages of the Eranian family, Persian group. Calcutta, 1921, p. 527–530). Исследования советских лингвистов по языку советских бадахшанцев указаны выше.

понять некоторые их особенности, которые легко объяснимы с точки зрения таджикской диалектологии. Наконец, фрагментарные сведения о языке афганских таджиков из долины Панджшер содержатся в работе В.С. Андреева «По этнологии Афганистана» (Ташкент, 1927).

Перечисленные диалектографические работы, посвященные языкам Афганистана, позволяют, конечно, лишь в самых общих чертах нарисовать диалектологическую карту этой страны, отличающуюся, вероятно, не меньшим многообразием и богатством диалектно-говорных явлений, чем советская Средняя Азия. Можно полагать, что со временем – по мере исчезновения еще столь многочисленных сейчас белых пятен на этой карте – у исследователей появится возможность составить более полное представление об основных диалектных единицах (и их группах) таджикоязычного населения Афганистана. Сейчас такой возможности у нас нет.

В связи с этим следует остановиться на классификации диалектов и говоров ираноязычного (таджикоязычного и персидско-язычного) населения Ирана, Средней Азии и Афганистана, которую предлагает афганский лингвист Раван Фархади (Абд-ул-Гафур Фархади)¹⁰². Все многообразие указанных диалектов и говоров – «персидских», по его терминологии, – он разграничивает, прежде всего на две группы: 1) западную (говоры Западного Ирана) и 2) восточную (говоры Таджикистана, Хорасана, Афганистана). Такое разделение диалектов и говоров не является новым: выше мы уже говорили о выделении массива таджикских говоров Средней Азии и Афганистана (тождественного восточной группе Фархади), в противовес массиву говоров Ирана (западной группе, по Фархади). Но афганский ученый не останавливается на этом; опираясь на личные наблюдения над говорами таджикоязычного населения Афганистана, он впервые в истории иранской диалектологии выделяет в восточной группе (=таджикском диалектно-говорном массиве) две подгруппы говоров: а) хорасанскую, включающую говоры Хорасана (в историческом понимании), Систана, Хазараджата, области Газни, районов Логара и Гардеза) и б) афгано-таджикскую, в которую входят говоры Мавераннахра, Бадахшана, области Кабула, долины Панджшера, говор мадаглашти в Читрале, дехвари в Белуджистане и др.

В настоящее время нам трудно судить о достоинствах или недостатках этой классификации, поскольку неизвестно: 1) каким материалом располагал автор (данные специальной литературы, обзор которой дан выше, настолько скудны, что не позволяют нам

¹⁰² Abd-ul-Ghafur Farhâdi, *ibid.* pp. 2–3.

сделать научно обоснованного вывода о подобном делении говоров); 2) какие принципы (т.е. совокупность диалектно-говорных признаков и особенностей) положены автором в основу его классификации.

Из двух подгрупп, выделенных Фархади в пределах восточной группы говоров, для нас наибольший интерес представляет так называемая хорасанская подгруппа, так как именно в ней отводит автор место диалектам и говорам Хазараджата (наряду с говорами Хорасана, Систана, Газни, Логара и Гардеза). К сожалению, автор не поясняет, в чем же заключается единство этих говоров, позволяющее противопоставлять их как целое «афгано-таджикским» говорам. Не приводятся данные и о специфических особенностях отдельных диалектов и говоров, входящих в хорасанскую подгруппу.

Разумеется, такую классификацию, составленную лишь по личным (и при этом необнародованным) наблюдениям автора, нельзя признать окончательной, тем более, если принять во внимание, что многие диалекты и говоры таджикоязычного населения Афганистана остаются до сих пор не исследованными. Разделение говоров, предложенное Фархади, следует считать лишь первой предварительной попыткой к созданию их научной классификации. Однако, несмотря на это, выводы Равана Фархади имеют в общем положительное значение для таджикской диалектологии: объединяя в рамках одной подгруппы таджикские говоры советской Средней Азии и Афганистана (Бадахшан, Панджшер, Кохистан, Кабул), он тем самым подчеркнул их органическое единство и целостность. Таким образом, афганский лингвист, большой знаток живых языков и диалектов родной страны, также придерживается взгляда о наличии единого крупного массива диалектов и говоров на территории Средней Азии и Афганистана¹⁰³.

Таково состояние таджикской диалектологии на сегодняшний день.

Из вышесказанного понятно, с какими значительными трудностями сопряжено определение места того или иного таджикоязычного диалекта на территории Афганистана. При отсутствии возможности установить изоглоссы многих грамматических явлений данного говора или диалекта и ближайших к нему соседних говоров, речь может идти лишь о весьма приблизительном определении его места путем сравнения с уже описанными в литературе диалектно-говорными группами. В данном случае объектами сравнения с языком хазарийцев являются, с одной стороны, таджикский язык и хорошо изученные таджикские говоры

¹⁰³ См. с. 177–178.

Средней Азии и, с другой – язык фарси-кабули и те из его говоров, которые получили отражение в литературе (см. выше)¹⁰⁴.

Понятия «таджикский язык и его говоры» и «язык фарси-кабули и его говоры», к которым нам придется прибегать в ходе такого сравнения, требуют некоторого пояснения, поскольку они имеют непосредственное отношение к вопросу о взаимоотношениях и связях между языками и говорами массива. Суть этого вопроса заключается в следующем. Как уже отмечалось, литературный таджикский и литературный фарси-кабули являются двумя современными формами единого в прошлом персидского / таджикского языка классического периода. Однако, несмотря на общность основных лексико-грамматических особенностей, позволяющую рассматривать их в рамках одного массива и по некоторым языковым чертам противопоставлять массиву языков и говоров Ирана, каждый из них имеет ряд особенностей, довольно отчетливо отличающих их друг от друга. Несомненно, что эти особенности являются отражением отдельных специфических черт местной устно-разговорной речи, (т.е. местных диалектов и говоров), которые оказали влияние на формирование литературных языков и постепенно стали восприниматься в качестве языковой нормы¹⁰⁵. Но этим не ограничивается процесс взаимоотношения литературных языков с окружающими их бесписьменными диалектами и говорами. Приняв участие в формировании литературных языков, местные диалекты и говоры сами подвергаются их воздействию. В ходе исторического развития расширяется сфера действия литературных языков, в результате чего со временем бесписьменные диалекты и говоры будут полностью вытеснены ими. Такая судьба ожидает и еще многочисленные сейчас таджикские говоры Средней Азии, которые постепенно сдают свои позиции литературному таджикскому языку, и говоры таджикоязычного населения Афганистана, которые начали вытесняться литературным фарси-кабули.

Интересно, что на современном этапе своего развития многие бесписьменные диалекты и говоры Средней Азии и Афганистана (одни из которых мы будем условно называть говорами «таджикского языка», а другие – «фарси-кабули») в известной степени являются связующими звеньями между двумя литературными языками таджикоязычного массива. Дело в том, что в отдельных говорах той или иной группы – «таджикской» или «афганской» – могут встречаться

¹⁰⁴ Кроме того, использованы данные, собранные нами в Кабуле.

¹⁰⁵ Разумеется, оба литературных языка – таджикский и фарси-кабули – вобрали в себя лишь некоторые лексические, грамматические и произносительные особенности местной речи, сохранив в то же время в своей основе (также, как и современный литературный персидский язык) многие черты исходного языка – литературного фарси классического периода.

одновременно и черты, характерные в основном для таджикского языка, и черты, специфические для фарси-кабули. Если принять таджикский язык и фарси-кабули за своеобразные полярные явления в пределах общего массива, то нетрудно заметить, что в окружающих их диалектах и говорах все основные отличия, существующие между этими языками, нивелируются, сглаживаются¹⁰⁶. Наглядным свидетельством этого является язык хазарийцев. С точки зрения взаимоотношений с указанными литературными языками все многообразие присущих ему лексико-грамматических и фонетических явлений можно расчленить на несколько частей, отличающихся характером своей соотнесенности с этими языками.

Так, изоглоссы отдельных явлений языка хазарийцев, как мы увидим ниже, находят продолжение в обоих литературных языках, т.е. являются общими с ними. Наряду с этим, в нем отмечены и такие черты, которые присущи лишь таджикскому языку, и не свойственны фарси-кабули; и, наоборот – черты, общие с фарси-кабули, отсутствующие в таджикском языке. Вместе с тем, некоторые диалектные явления, свойственные языку хазарийцев, сближают его не с тем или иным литературным языком, в котором они могут и не оказаться, а с их говорами (таковы, например, южные и юго-восточные говоры таджикского языка и др.). Наконец, в языке хазарийцев встречаются и такие особенности (фонетического, грамматического и лексического характера), которые являются специфическими для него и позволяют выделить его как особую диалектную единицу, противопоставляемую другим эквивалентным единицам таджикоязычного массива¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Отсюда и проистекает некоторая условность, когда одни говоры мы соотносим с таджикским языком, а другие – с фарси-кабули. В действительности дело обстоит значительно сложнее и не сводится к постепенному переходу говоров одной группы в говоры другой группы.

¹⁰⁷ Любопытно отметить, что некоторые из этих «специфически» хазарийских черт, выделяющих его из среды других говоров таджикоязычного массива, встречаются в отдельных диалектах западного массива (на территории Ирана). Сюда относятся, главным образом, явления фонетического плана. Впрочем, изоглоссы ряда явлений языка хазарийцев находят продолжение за пределами массивов таджикских и персидских диалектов и говоров – например, в языке пушту, в тюркских и монгольских языках, (см. ниже). Вполне возможно также, что ряд свойств, которые мы считаем сейчас специфической принадлежностью языка хазарийцев, встречаются и в некоторых других говорах таджикоязычного населения Афганистана, еще не известных науке.

Валентин Александрович Ефимов (1933–2007) – доктор филологических наук, заведующий сектором иранских языков, Институт языкознания РАН.

Адрес: 125009, Российская Федерация, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1/1.

Valentin A. Efimov (1933–2007) – DSc (Philology), Head of the Iranian Languages Sector, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Address: Bolshoy Kislovsky Lane, h. 1/1, Moscow, Russian Federation, 125009.

Для цитирования: *Ефимов В.А.* Место языка хазара среди юго-западных иранских языков и диалектов (на материале якаулангского диалекта) // Социоллингвистика. 2025. № 2 (22). С. 194–202. DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-194-202

Публикация выдержки из диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Язык афганских хазара (якаулангский диалект)», выполненной в 1965 году под руководством доктора филологических наук В.С. Расторгуевой.

For citation: *Efimov V.A.* The place of the Khazara language among southwestern Iranian languages and dialects (based on the Yakaulang dialect) // Sociolingvistika. 2025. No. 2 (22). pp. 194–202. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-194-202

Publication of the excerpt from the dissertation for the academic degree of Candidate of Philology titled *The Language of Afghan Hazaras (Yakaulang dialect)*, completed in 1965 under the supervision of Doctor of Philology V.S. Rastorgueva.